

Начиная разговор о русском и советском, я хотел бы выразить уверенность в том, что никто из присутствующих не возразит мне, если я скажу, что Екатерина Вторая – великая русская императрица. И добавлю: Карл Васильевич Нессельроде – выдающийся русский дипломат. Барклай де Толли – русский полководец, а мне, одесситу, на ум приходит Дерибас. Беринг – русский путешественник. А удивительный доктор Гааз – не русский ли общественный деятель? Не в нём ли так ярко проявились черты, часто приписываемые русскому народу? Ни один из этих людей не был русским по происхождению, ни один из них не родился в России, но все они остались русскими в истории и знамениты именно тем, что они совершили как русские.

Мы можем назвать множество имён, которых иной ревнитель русскости русским не захочет признать: Безбородко и братья Разумовские; Багратион и Лорис-Меликов; Владимир Даль, Гоголь и Короленко; Пастернак и Мандельштам; Брюллов, Левитан, Малевич и многие-многие другие.

Но образованный, интеллигентный человек безусловно признает в них русских политиков, полководцев, общественных деятелей, писателей, поэтов, художников. Многие из них составляют гордость нашей истории и культуры. Так русские ли они? Безусловно!

Обыватель мало задумывается о смысле слова «русский». Либо ему нет дела до этого, либо он принимает расхожие трактовки, рождаемые зачастую малограмотными ограниченными людьми с расистскими обертонками во взглядах. Для большинства людей «русский» сегодня – этноним, и какой же русский тогда Ходасевич, Айвазовский или Куинджи?

Но всё же, большинство из нас, получивших советское образование, не интересуют антропологические корни Лермонтова и Герцена, Блока или Карамзина, и у нас не вызывает сомнения ни русскость Пушкина, ни русскость Фонвизина. И дело здесь не только и даже не столько в идентичности, в культурной ассимиляции, сколько в том простом факте, что русским в Российской империи считался любой подданный русского императора.

«Русский» до 1917 года – это вовсе не этноним, а свидетельство отношений с государством российским. Многие из выдающихся русских сохраняли католическую, протестантскую, иудейскую или иную веру своих родителей, своего детства. Некоторые из них до конца жизни владели русским языком далеко не в совершенстве.

Но ни вера, ни родословная не имеют решающего значения. Чтобы признать русскими Бальмонта, Гиппиус, Беллинсгаузена, Бенкендорфа, Шехтеля, не надо рыться в родословных, несмотря на подозрительно звучащие фамилии. Достаточно знать, что они имели российское подданство и служили России.

Однако оговорюсь: хотя этническое прочтение слова «русский» не являлось основным, всё же между понятиями «русский» и «великоросс» существовала, пусть не формулируемая, но достаточно тесная связь, что облегчило последующую замену второго термина первым.

Всё меняется после революции. Государство перестаёт именоваться Российской империей, и вскоре его граждане становятся советскими людьми. Понятие «советский» замещает понятие «русский», а «русский» превращается в этноним, вытесняя прежнее понятие «великоросс». И начинается смешение двух представлений.

Понятие «советский» поначалу просто – это лишь обозначение гражданства, иногда довольно условного. Настолько просто, что за пределами государства всех советских, как правило, продолжаем именовать русскими. И даже сегодня мы сталкиваемся с тем, что грузинская преступная организация в Испании или чеченская в Чехии именуется русскими, и в этом имени нет ни грана этничности. Зато переустройство государства актуализирует этничность, а сложные отношения граждан с коммунистическим государством зачастую превращают этничность в доминирующую идентичность, что в Российской империи имело существенно меньшее значение.

Но со временем и понятие «советский» приобрело свою сложность. Марксистская идеология усваивается молодыми людьми и возникает новая общность «советский народ». Над этим новообразованием много потешались в брежневские времена, особенно люди с этнической озабоченностью. Однако насмешки не отменили факта формирования советской идентичности. Во время обсуждений подобных предметов редко можно предъявить демонстрационные образцы. Но в данном случае мы имеем тот счастливый случай, когда я могу предложить наглядное пособие в виде собственной персоны.

Для таких людей, как я, этничность не играет существенной роли. Да, у каждого из нас в паспорте было записано: «еврей», «русский», «армянин». Но для нас это был такой же факт, как цвет глаз или волос, как рост или размер ступни. Они известны, их изменить нельзя, они учитываются в определённых случаях, но почти не накладывают отпечатка на нашу повседневную жизнь. Не случайно в эпоху перестройки столь многие образованные люди ополчились против записи в паспорте о национальности, то есть об этничности, и она была отменена. Этничность становится предметом самоопределения, выбора идентичности, утрачивая антропологические, то есть незыблемые, основания.

Можно много спорить о том, какова была советская идентичность. Такие споры естественны и уместны, поскольку проблемы идентичности вообще – материя тонкая, а мы имели дело с представлениями в стадии становления. Но я позволю себе очертить некий круг представлений, характерный для советских людей, которые я – отнюдь не исследователь, но обыватель – отмечаю для себя.

Первое, что можно отметить, это взгляды социалистического круга. Все люди равны. Человек человеку – друг, товарищ и брат. Всё во имя человека, всё для блага человека.

Второе, дух интернационализма и космополитизма. Советскому человеку до всего есть дело: от бедственного положения колоний и линчевания негров, до революции в Испании и эмансипации женщин в Афганистане. Он готов защитить любого от унижения и дискриминации. «Мистер Твистер» – эту поэму Маршака помнят все, кто рос в Советском Союзе.

Третье. Главное для человека – общее благо. Он готов пожертвовать своим материальным благополучием и даже своей жизнью во имя светлого будущего всего человечества: «Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». В итоге: материальное для советского человека отодвигается на второй план перед духовным, идеальным. Частное отодвигается общечеловеческим.

Четвертое – это высокие нравственные стандарты личности. Прежде всего, приходит в голову «Честное слово» Пантелеева, но можно вспомнить и «Рассказ о неизвестном герое» Маршака, и «Голубую чашку» Гайдара, да почти всю литературу, посвященную Великой Отечественной войне. Советский человек должен быть честен и верен слову, отзывчив и внимателен к ближним, образован и трудолюбив, бескорыстен и предан родине, семье, друзьям.

Таковы черты нормативного портрета советского человека. И это не миф. Таких людей и в самом деле продуцировала советская система воспитания. Но беда заключалась в том, что большинство этих людей втягивались в конфликт с советской системой. Слишком высокие стандарты оказывались не по плечу обыкновенному человеку, да ещё и утвердившемся в мире, где «морально всё то, что служит делу революции», где уничтожают людей чести, поскольку они не приемлют господства черни, да и просто потому, что достойный человек есть постоянный укор и раздражающий вызов дорвавшемуся до власти отморозку. Отсюда и возникает советское двоемыслие.

Утверждаются две советские культуры: нормативная, которая ориентирована на воспитание новых поколений и которой следуют немногие, и бытовая, которая господствует в реальной жизни едва ли не на каждом шагу, а после XX съезда партии, когда борьба с культом личности навсегда подорвала веру в коммунизм, приобретает абсолютно доминирующее значение. Нормативные представления живут в официальной пропаганде, их ещё разделяет значительная часть людей, но они всё больше подвергаются открытому издевательскому осмеянию, вплоть до того, что внук одного из создателей советской нормативной этики утверждает: «Там, где говорят о нравственности в политике, пахнет ГУЛагом».

Реальная бытовая культура советского человека пронизана мелочными заботами, погоней за вещами, эгоизмом, трусостью – «моя хата с краю», – она цинична, терпима к воровству или даже поощряет его – ведь государство, у которого крадём, плохо распоряжается нашим общим достоянием. Для неё предательство – небольшой грех, подлость – условие успеха.

Самые благородные устремления приобретают карикатурный характер. Модно быть образованным и интеллигентным? Пожалуйста, мой книжный шкаф свидетельствует о моих возможностях – любой раритет в вашем распоряжении. Но при этом книги зачастую покупаются под цвет обоев. Сегодня уже не модно читать Горького? В макулатуру! Достаём Бунина. А может быть Лопе де Вега. Зависит от цвета переплёта. Потому как серый двенадцатитомник Чехова может не вписаться, а зелёный – вполне. Главная черта позднего советского общества – потребительский материализм и нарастающая бездуховность.

Увы, именно этот позднесоветский человек, отказавшийся от коммунистической идеологии, боготворящий успех и престижное потребление, и стал основой современного российского общества. Оно выросло из советского, как бабочка из куколки. Ограниченный, алчный, бесчестный человек более всего открещивается от своего советского прошлого – ведь он видит советское в нормативной культуре, тесно связанной с коммунистической идеологией, в той самой культуре, которая отвергала его обывательские ценности и установки.

Сейчас, когда очень разные люди отказываются от советского, надо спросить: от какого советского? И прежде чем осуждать людей, печалющихся о разрушении СССР, надо спросить о каком советском прошлом они тоскуют? В позднесоветском государстве люди устали от бедности и дефицита. Но мы уверены, что культ потребления – достойная замена голодной идейности? Ведь и в Новом завете говорится: «трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Именно из Евангелия vyrастал современный европейский социализм.

Отшатываясь от ужасов прошлого, отвергая советское, достойные люди ищут свою идентичность, давая ей новые имена – русское, российское. Но давайте посмотрим, просто ли стать русским после советского. В чем противостоят эти представления?

Если русское понимается как этническое, то интернационализму противостоит национализм, всемирности – провинциальность. Мы больше не готовы твердить: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Мы видим в этом лозунге человеконенавистническую идеологию классовой борьбы. Мы не готовы больше смотреть через забор. Нет нам дела ни до Сербии, ни до Сирии – у нас самих ни дорог, ни медицины. Своя рубашка ближе к телу.

Вполне достойные люди замечают: России пора заняться собой. И разве с этим можно не согласиться? Но отказ от Гренады вовсе не обязательно означает переход к мирному служению близким. Он может означать переход от духовности к мелочности бытия, от щедрости – к стяжательству, от сострадания – к черствому эгоизму.

Границы противостояния русского и советского неопределённы, никогда не обязательны, они интуитивно нащупываются и легко смешиваются. Блоковское «нам внятно всё – и острый галль-

ский смысл, и сумрачный германский гений» рифмуется с Земшарной Советской республикой. Но блоковская русскость не этнического происхождения, имперского, где нет ни немца, ни грузина в Российском государстве.

Русское имперское сознание помогло укрепиться пролетарскому интернационализму – уродливой форме всемирной отзывчивости. Но беда в том, что уродство теперь присуще нашему обществу снизу доверху, и, убирая интернационализм, мы в старые мехи уродства заливаем молодое вино этнического национализма – и мехи будут порваны, и вино пролито. Если нет человеческой глубины, она не появится в результате смены имён. А если она есть, едва ли не любое имя не мешает ей проявиться.

Как мне кажется, перед нами не стоит задача отвержения прошлого целиком. Осуждая кровь и грязь прошлой эпохи, отказываясь от бесчеловечной практики государства, мы не должны торопиться с отказом от всего советского наследства. Новое мы можем вырастить только из прошлого – больше не из чего ему расти. И нам предстоит вернуть память – полную и неискаженную и о советской эпохе, и о Российской империи.

И нам предстоит выбрать, какое русское мы выбираем: открытое миру и любому человеку на Земле или то, в котором свет только в своём окошке. Мы избираем вовлечённость в главные мировые проблемы, требующие от нас служения и самоограничения, или мещанскую ограниченность и провинциальный утилитаризм?

Для меня лично нет проблемы в выборе. Во мне мирно уживаются и гордость за великую русскую культуру, и благодарность за духовное советское детство. И память о зверствах большевистской революции и годах террора не открывают мне дороги в сусальный рай имперского прошлого. Я знаю, что одно выросло из другого. Я хотел бы осудить всё зло русской истории от убийства Бориса и Глеба до лагерных смертей Галанскова и Марченко. Но я хотел бы покаяния и примирения прошедших через голгофу истории российских граждан, какую бы идентичность они для себя ни избрали. Я хотел бы видеть русских людей – татар и калмыков, грузин и армян, украинцев и евреев – строящими новый мир, принимающими испытания, идущими на жертвенные подвиги ради сохранения мира и любви на своей земле и во всем мире, ибо больше не может быть отдельного счастья для русских и китайцев, индийцев и англичан. Я верю в возможность русского человека – вырастать из глубоких культурных корней своего прошлого и уходить к небу общечеловеческой цивилизации, не теряя своего удивительного своеобразия, своей универсальности и своей духовности.